

8. Бурдзялёва, І. А. Традыцыі гатычнага рамана ў творчасці Г. Мастоўскай і Я. Баршчэўскага / І. А. Бурдзялёва // Вестник МГЛУ. Серия I, Филология. – 2009. – № 1. – С. 176 – 184.
9. Кандакоў, Д. А. Творчасць Яна Баршчэўскага і французская гатычная проза : пастаноўка праблемы / Д. А. Кандакоў // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 126 – 131.
10. Весялуха, М. М. Вобраз саганы ў беларускай літаратуры XXI ст. : да пастаноўкі пытання / М. М. Весялуха // Дзеяслоў. – № 45. – 2010. – С. 315 – 318.
11. Тарасова, Е. В. Готическая эстетика в рассказе Анатолия Козлова «І тады я памёр...» / Е. В. Тарасова // Białorutenistyka Białostocka : rocz. nauk.-teoretyczny, poświęcony badaniom nad lit., jęz., historią i kulturą białorus. / Uniwersytet w Białymstoku ; red. naczk. H. Twaranowicz. – Białystok, 2020. – Т. 12. – С. 249 – 258.
12. Казлоўскі, Р. К. Готыка ў творчасці Міколы Касцюкевіча (на прыкладзе апавядання «Лялька») / Р. К. Казлоўскі // На Нёманскай хвалі : Літаратурны альманах. – 2014. – № 4. – С. 177 – 182.

В. А. Богатырева,

аспірант (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ В РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ М. БОГДАНОВИЧА И Р. М. РИЛЬКЕ)

***Аннотация.** В статье проанализированы типологические схождения в развитии белорусской и австрийской литератур в эпоху рубежа XIX–XX вв. на примере поэзии М. Богдановича и Р. М. Рильке. Показано, что в конце XIX века разные страны, имеющие разный культурно-исторический опыт, переживают «синдром конца века». Такое явление способствует сравнительному анализу культур и литератур. Доказано, что специфическая культурная парадигма, сложившаяся в конце XIX – начале XX века, обусловила ряд типологических схождений в лирике М. Богдановича и Р. М. Рильке. Общие для эпохи *fin de siècle* мотивы (обращение к Библии, меланхолия, страх перед будущим) нашли свое отражение в их творчестве.*

***Ключевые слова:** эпоха рубежа XIX–XX вв.; синдром *fin de siècle*; лирическая поэзия; М. Богданович; Р. М. Рильке; типологические схождения.*

V. A. Bahatyrova,

Postgraduate Student (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

TYPOLOGICAL CONVERGENCES IN THE DEVELOPMENT OF BELARUSIAN AND AUSTRIAN LITERATURE AT THE TURN OF THE XIX–XXTH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE POETRY OF M. BOGDANOVICH AND R. M. RILKE)

***Abstract.** The article is dedicated to the analyze of general typological convergences in the development of Belarusian and Austrian literatures at the turn of the XIX–XXth centuries on the example of the poetry of M. Bogdanovich and R. M. Rilke. Different countries with different cultural and historical background were experienced the «*fin de siècle syndrome*» at the end of the XIXth century. This phenomenon facilitates a comparative analysis of cultures and literatures. It is demonstrated, that a specific cultural paradigm, formed in the late XIXth and early XXth century, determined a number of typological similarities in the lyrics of M. Bogdanovich and R. M. Rilke. Common motives of «*fin de siècle era*» (references to the Bible, melancholy, fear of the future) are reflected in their poetry.*

***Keywords:** turn of the centuries' era; *fin de siècle syndrome*; lyrical poetry; M. Bogdanovich; R. M. Rilke; typological convergences.*

На рубеже XIX–XX вв. в европейском обществе складывается определенная духовная ситуация, которую часто именуют синдромом *fin de siècle* («синдромом конца века»), а всю эпоху также называют «эпохой конца века» или «эпохой рубежа веков». Мироощущение *fin de siècle* – это предчувствие грядущей катастрофы, ощущение тревоги и страха перед неотвратимым «концом века» и «концом истории».

В Беларуси эпоха *fin de siècle* начинается с волны патриотических настроений, вызванных политикой русификации, ужесточенной после Польского восстания 1863—1864 гг. В противовес настроениям упадка и меланхолии происходит небывалый ранее национальный и культурный подъем. В таких парадоксальных условиях формируется культура Беларуси рубежа XIX–XX вв. В это время получают распространение идеи «белорусского национального возрождения» – нацио- и культуротворческого процесса, характеризующегося интересом к собственной истории, традициям и языку.

В это время Австрия вступает в эпоху рубежа веков в атмосфере экономических и социальных перемен. «Закат» империи Габсбургов ощущался во всех сферах общественной жизни. Ю. И. Архипов и В. Д. Седелник отмечали: *«Глобальный кризис в полном объеме мобилизовал интеллектуальные ресурсы времени. Крах империи словно освободил, расковал духовный потенциал страны»* [1, с. 9]. Примечательно, что именно на рубеже веков в Австрии складываются первые предпосылки для формирования национальной идентичности, однако полноценный процесс нациетворчества начнется несколько позже – после окончания Второй мировой войны.

Литература, а в особенности поэзия, является важным индикатором эпохи. На рубеже веков именно поэтическое слово одним из первых отреагировало на изменения в восприятии картины мира и места человека в нем. Поэзия «говорила» с человеком о его чувствах, предупреждала о грозящих мировых катаклизмах, объясняла новые для некоторых народов понятия: «нация» и «национальное самосознание». Поэзия Австрии и Беларуси переживает на рубеже веков колоссальный творческий подъем. Именно тогда на литературной арене появляются имена М. Богдановича (*Максім Адамавіч Багдановіч, 1891–1917*) и Р. М. Рильке (*Rainer Maria Rilke, 1875–1926*).

Белорусский поэт Максим Богданович сыграл огромную роль в развитии национальной литературы. Г. В. Синило пишет о нем: *«...[Багдановіч] ўпершыню даў глыбокі і арганічны сінтэз уласна беларускіх (кніжных і фальклорных), рускіх і заходнееўрапейскіх традыцый, што і дазволіла ўвесці беларускую паэзію ў кантэкст сусветнай»* [2, с. 316]. В его произведениях причудливым образом сочетаются неоромантическая, символистская и импрессионистская доминанты, ощущения уязвимости и хрупкости бытия. Е. А. Леонова отмечает по поводу эпохи декаданса: *«Никогда ранее не были столь привлекательными для художественного слова феномены красоты и одновременно упадка, смерти; красоты в парадоксальном соединении со смертью, даже красоты смерти, искушения смертью, ее болезненного притяжения»* [3, с. 221]. Подобные настроения встречаются и в поэзии М. Богдановича (см., например, *«Я бальны. Бескрыдлаты паэт...»*).

Творчество австрийского поэта Райнера Марии Рильке оставило огромный след в литературе рубежа веков, а также повлияло на дальнейшее развитие не только австрийской, но и мировой литературы. Известный литературовед В. Адмони именовал его поэзию *«лирикой расколотой души»* [4, с. 140] и отмечал, что творчество Рильке привнесло в мировую литературу такие новые черты, которые *«частично вошли в основной арсенал поэтических тем и форм выражения»* [4, с. 140]. Таким образом, творческое наследие и М. Богдановича, и Р. М. Рильке стало важным явлением для национального и мирового литературного процесса.

В сложные, переходные эпохи глобальных потрясений и трансформаций культура обращается к вечным текстам, темам, сюжетам. Каждому новому витку истории свойственно заново открывать для себя Библию. Священное Писание предстает тем стержнем, который дает надежду на будущее и держит связь с прошлым. Г. В. Синило, обосновывая значение Библии как «осевого» архетекста для европейской культуры, указывает: *«...библейская архетекстуальность оказывается чрезвычайно востребованной в рубежные и кризисные эпохи, когда происходит смена мировоззренческой и художественной парадигм. При этом особенно велика роль таких лирических архетекстов, как Псалтирь, Книга Плача, Песнь Песней и Книга Экклесиаста»* [5, с. 28].

В своем творчестве Р. М. Рильке неоднократно обращается к тексту Священного Писания как к смысло- и структурообразующему культурному коду. Его творчество, по выражению Г. В. Синоло, «осуществляет наглядный синтез античной пластики форм и библейской динамики духа» [5, с. 28]. Рильке обращается к библейскому тексту на разных уровнях: он вплетает в свою лирику библейские мотивы и образы, использует библейские лирические формы, как например, в «Часослове» («*Stunden-Buch*», 1903») и «Дуинских элегиях» («*Duineser Elegien*», 1912–1922). В «Часослове», написанном от лица православного монаха, соединяются важные для поэта культурные парадигмы: русская православная культура, немецкая философско-мистическая традиция и библейская («осевая») парадигма. «*Их все – и православный молитвенник, и тексты немецких мистиков, и «Часослов» Рильке – объединяет единый “осевой” архетекст – библейская Книга Хвалений (Сэфер Теґиллим), как она именуется в оригинале, или Книга Псалмов (Псалтирь), впервые представившая миру неразрывную органичную связь человеческой души и Бога*» [6, с. 72], – пишет Г. В. Синоло. В одном из стихотворений Рильке вводит образ «Бога-Дерева», пускающего корни: «*Псалом всяк зрящий запоет – / последний, всеглагольный, горный: / плод принесли Господни корни!*» (пер. С. Петрова) [7, с. 46].

К тексту Священного Писания также обращался и М. Богданович. Например, в цикле «*Старая Беларусь*» (1912) особенно показательно стихотворение «*Книга*» (1912). В последней строфе лирический герой ощущает связь поколений именно через библейский текст: «*І бачу я ў канцы няхітрую прытэску, / Што “кнігу гэтую раб Божы, дзяк Гапон, / Дзеля душы спісаў у месцы Ваўкавыску / У рок сем тысяч сто васьмы з пачатку дзён”*» [8, с. 89]. Оба поэта, и австрийский, и белорусский, видят в Библии важнейший интегратор эпох и культур. Показательно: именно в эпоху кризисов и катастроф оба автора ощущают необходимость в сохранении культурных и исторических связей, а не в их разрыве.

Помимо связи с «осевым» для европейской культуры архетекстом, в поэзии Богдановича и Рильке можно провести типологические параллели на уровне мотивов и образов. На рубеже веков обострилось чувство меланхолии. Меланхолия *fin de siècle* парадоксальна: с одной стороны, это *taedium vitae* (лат. «отвращение к жизни»), а с другой – созидательная энергия, позволяющая творить и видящая выход только в творческом акте. Меланхолические настроения свойственны поэзии и М. Богдановича, и Р. М. Рильке. Традиционно состояние меланхолии ассоциируется с осенью и чернотой. Такими красками отмечено стихотворение М. Богдановича «*Дождж у полі і холад... Імгла...*» (1909). В контексте меланхолии эпохи *fin de siècle* показательно последние строки: «*Цісне сэрца мне песня начная... / Хай жа голасна вецер слявае. // <...> Долю чорную ноч не схавае, / Калі выльецца песня жывая!*» [8, с. 167]. Наряду с меланхолическим настроением («*доля горкая ў чорным цяні, «пад цемнымі скрыдламі ночы, «аб долі няшчаснай*») белорусский поэт призывает к своеобразному обновлению бытия («*Каб змагацца з няпраўдай ішлі*»), которое возможно только при помощи поэтического слова («*Калі выльецца песня жывая*»).

Мотивы осени и меланхолии также встречаются в стихотворении Рильке «*Осень*» (*Herbst*, 1902): «*Лист упадае, словно там вдали, / за небесами вянет сад высокий; / в листве летящей жесты отрицанья. / И прочь летит от звездного мерцанья / в ночь одиночества тяжелый шар земли. / Мы тоже падаем. Склоняется рука. / Взгляни вокруг: во всем паденье. / Но есть Один, кто в благосклонном бденье / нас держит, и рука его легка*» (пер. В. Куприянова) [9, с. 85]. В оригинале Рильке использует слово «*fallen*» («падать») и его производные, чтобы создать ощущение падения («*Die Blätter fallen, fallen wie von weit, «sie fallen mit verneinender Gebärde, «Wir alle fallen. Diese Hand da fällt*» [9, с. 84]). Чувство падения прерывается финальным «*hält*», где глухое «*t*» ставит эмоциональную точку на мгновение раньше пунктуационного знака. Меланхолия рубежа веков имеет разную направленность. Во Франции «расстройство всех чувств» (А. Рембо (*Arthur Rimbaud*, 1854 – 1891) имело яркий экстравертивный вектор. На примере стихотворения Рильке видна большая интровертивность, а Богдановичу свойственен гражданский и возрожденческий пафос.

На рубеже веков важной темой для поэтического осмысления становится проблема урбанизации, которая стала одним из следствий технологического прогресса. М. Богданович одним из первых в белорусской

литературе обращается к поэтическому осмыслению городского пространства. Один из первых поэтов-урбанистов, бельгийский поэт Эмиль Верхарн (*Emile Verhaeren, 1855 – 1916*) концептуально сформулировал свое восприятие процессов урбанизации в образе «города-спрута», враждебного человеку и культуре. Богданович, который переводил на белорусский язык Э. Верхарна, создает цикл стихотворений «Город» («*Места*», 1911), в котором по-своему осмысляет эту тему. Примечательно, белорусский поэт ставит эпиграфом к своему циклу строки из стихотворения Валерия Брюсова (1873 – 1924) «*Городу*» (1907) (на поэзию же Брюсова прямое влияние оказал Верхарн): «*Ты – чарователь неустанный, / Ты – неслабеющий магнит*» [8, с. 68]. В этих строках Богданович видит суть города, который притягивает людей своей атмосферой. Как магнит притягивает металл, так и город тянет к себе, подчас помимо воли. В цикле «*Места*» город представляется живым, персонифицированным субъектом: «*Вулкі Вільні зіяюць і гулка грываць! / Вір людскі скрозь заліў паясы тратураў, / Блішчаць вокны, ліхтарні ўгары зіхацяць, / І гараць аганьком вочы змучаных твараў! // А завернеш ў завулак – ён цесны, крывы; / Цёмны шыбы глухіх, старасвецкіх будынкаў; / Між каменнямі – мох і сцяблінкі травы, / І на вежы, як круглае вока савы, / Цыферблат – пільны сведка мінулых учынкаў*» [8, с. 69].

Автор противопоставляет шуму главных улиц тишину городских закоулков. В пространстве города нет места отдельному человеку: на шумной улице мы встречаем человеческий вихрь, существования которого невозможно вне безликой человеческой массы. А в тишине городского переулка место человека вытесняет вечность: «*шыбы*», «*будынкi*», «*вежы*», «*цыферблат*» – то, что остается после человека, как напоминание о его былом труде. Особую экспрессивность тексту придают синонимичные повторы («*зіяюць*», «*грываць*», «*блішчаць*», «*зіхацяць*», «*звіняць*», «*гараць*»).

Р. М. Рильке также обращался к урбанистической теме. Наиболее широко поэт исследует ее в третьей части «*Часослова*» с показательным названием «*Книга нищеты и смерти*» (*Das Buch von der Armut und vom Tode, 1905*). Рильке писал: «*Ты веси, Боже, – города / разит уничтоженья кара. / Они бегут, как от пожара, / а вслед безжалостно и яро / течет пора их, как вода*» (пер. С. Петрова) [7, с. 145].

Города в «*Книге нищеты и смерти*» – это место страха, ужаса и страданий, в котором нарушены законы Бога. Города дают иллюзию настоящей жизни, однако при этом лишают человека не только жизни, но и смерти. Подчинившись городам, люди перестают быть собой: «*Большие города – неправда волчья, / обман детей, зверей, ночей и дней. / И громогласно лгут они, и молча – / всем скопищем угодливых вещей*» (пер. С. Петрова) [7, с. 157].

На рубеже веков тема города стала одним из способов выражения тревоги и растерянности, с которыми столкнулся человек эпохи *fin de siècle*. И М. Богданович, и Р. М. Рильке сходятся в ощущении беспокойства, связанного с расширением городского пространства. Оба поэта осознают, что в городе человек перестает быть индивидуумом и становится частью массы, частью самого города. Однако, при всем типологическом сходении, видны и отличия. Процессы урбанизации на территории Беларуси шли не такими быстрыми темпами, как в Европе. Богданович не связывает город с «*нищетой и смертью*», а видит в нем жизнь, подчиненную хаотическим законам большого города. У белорусского лирика отсутствует тотальный пессимизм и разочарование городской средой. При всей тревоге от хаоса большого города, Богданович не противопоставляет «*драму природы и культуры*», – пишет Е. А. Леонова [3, с. 211].

Важными мотивами для творчества как Рильке, так и Богдановича являются понятия «*Любви*» и «*Смерти*», «*Жизни*» и «*Смерти*». В цикле «*Любовь и смерть*» («*Каханне і смерць*», 1913) Богданович исследует бинарную оппозицию Эроса и Танатоса. И если З. Фрейд противопоставлял две категории, как стремление к созиданию и стремление к разрушению, то многие поэты рубежа веков, в том числе и Богданович, видят их в неразрывной связи. Белорусский поэт предпринимает попытку осмыслить дихотомию человеческого существования: бессилие перед смертью и, вместе с тем, демиургическая способность создавать новую жизнь: «*“Смертию смерть поправ”, / Ты ад жыцця адпачыла; / Ў муках памерла сама, / Але дзіце спарадзіла*» [8, с. 142]. В последнем стихотворении цикла звучат такие строки: «*Ўсё мінулася – і боль, і гора, – / Ўсё кудысь далёка адышло; / Але строгі надпіс: “Disce mori” / Нагадае, што з табой было*» [8, с. 144]. Поэт пишет

трагедию смерти через жизнь.

Размышления о границах жизни и смерти – одна из тем, которые исследует и Р. М. Рильке. Австрийский поэт также мыслит парадоксально: жизнь и смерть едины. В стихотворении «*Максу Нусбауму*» он сформулировал это так: «*И жизнь и смерть в своем зерне одно. / Кто весь свой род поднимет над корнями, / тот станет каплей, крепкой, как вино, / и сам войдет в живительное пламя*» (пер. В. Куприянова) [10, с. 249]. Рождение и смерть здесь сплетены воедино, и одно не мыслится без другого. Примечательно, что и Рильке, и Богданович связывают появление «плода во чреве» и смерть. У Рильке в «Часослове» встречаются такие строки: «*Ведь мы – одна листва да кожура, / а смерть великая есть плод нутра, / и в нас он – долгожданная нужда*» (пер. С. Петрова) [7, с. 150]. Здесь виден общий не только для эпохи *fin de siècle*, но и для философской лирики мотив смерти и возрождения: как только в человеке появляется жизнь, вместе с ней появляется и смерть.

Таким образом, на рубеже веков складывается определенная культурная парадигма – эпоха *fin de siècle*. Типологические схождения, выявленные в творчестве М. Богдановича и Р. М. Рильке, обусловлены общей атмосферой времени. Типологические общие для эпохи *fin de siècle* мотивы (обращение к Библии как к квинтэссенции мирового духовного наследия, мотивы меланхолии, печали, страха перед будущим) нашли свое отражение в их лирике. Г. В. Синоло также подчеркивает: «...[паэты] яднае таксама імкненне да максімальнага паглыблення ў духоўны і інтымны душэўны свет чалавека, злітае з цяласнасцю і касмічнасцю светаўспрыняцця і памножанае на інтэнцыю адкрытасці свету, актыўнага нясення дабрыні і маральнага святла людзям» [10, с. 156].

Рильке и Богдановичу свойственна полифония художественно-эстетических стилей, особая музыкальность стиха, связь с мировой историей и культурой. Эмоциональная глубина позволяет им проникать в сущность явления и поэтически его осмысливать. Творчество и австрийского, и белорусского поэтов можно, вслед за В. Адмони, обозначить как «*лирику расколотой души*». Однако при всей «расколотости» оба поэта демонстрируют ее преодоление и восприятие мира в его целостности.

Список использованной литературы

1. Архипов, Ю. И., Седельник, В. Д. Введение / Ю. И. Архипов, В. Д. Седельник // История австрийской литературы XX века : в 2 т. / отв. ред. В. Д. Седельник. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – Т. 1 : Конец XIX – середина XX в. – С. 5–21.
2. Сініла, Г. В. Біблейскае паданне пра патоп у асэнсаванні Максіма Багдановіча / Г. В. Сініла // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай : матэрыялы X Міжнар. навук. канф. (Мінск, 6–8 кастрычніка 2011 г.) / пад агул. рэд. І. А. Чароты. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2011. – С. 315–320.
3. Леонова, Е. А. Немецкая литература XX века. Германия. Австрия : учеб. пособие / Е. А. Леонова. – М. : Флинта ; Наука, 2010. – 353 с.
4. Адмони, В. Г. Поэзия Р. М. Рильке / В. Г. Адмони // Вопросы литературы. – 1962. – № 12. – С. 138–158.
5. Синоло, Г. В. Библия как «осевой» архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) / Г. В. Синоло // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2017. – № 3. – С. 19–29.
6. Синоло, Г. В. Библейская архетекстуальность в «Часослове» Р. М. Рильке / Г. В. Синоло // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2018. – № 10. – С. 68–79.
7. Рильке, Р. М. Часослов / Р. М. Рильке ; пер. с нем. С. В. Петрова. – СПб. : Азбука, 1998. – 188 с.
8. Багдановіч, М. Зорка Венера : творы / М. Багдановіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1991. – 460 с.
9. Рильке, Р. М. Стихотворения = Gedichte / пер. с нем. В. Куприянова. – М. : Радуга, 1998. – 319 с.

10. Сініла, Г. В. Паэзія М. Багдановіча ў кантэксте эпохі дэкадансу і мадэрну / Г. В. Сініла // Кніга новага жыцця: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 26 лістапада 2013 г. / Літ. музей М. Багдановіча; ўклад. М. М. Запартыка, І. Ё. Шорац. – Мінск : РІВШ, 2014. – С. 152–157.

Г. М. Бутырчык,

канд. філал. навук, дацэнт (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь)

ЛИТАРАТУРНАЯ КАЗКА ЗМІТРАКА БЯДУЛІ «СЯРЭБРАННАЯ ТАБАКЕРКА»: СУСВЕТНЫ КАНТЭКСТ, НАЦЫЯНАЛЬНЫ КУЛЬТУРНЫ КОД

Анотацыя. У артыкуле праз суаднесенасць фальклорнага і індывідуальна-аўтарскага элементаў на сюжэтным, вобразным, стылёвым і інш. узроўнях раскрыта мастацкая спецыфіка аповесці Змітрака Бядулі «Сярэбраная табакерка» як літаратурнай казкі. Прасочаны вытокі і падставы фарміравання жанру літаратурнай казкі ў еўрапейскім і нацыянальным кантэкстах. Ажыццёўлена спроба выявіць формы мастацкай рэпрэзентацыі нацыянальнага культурнага кода (насычанасць тэксту прыказкамі і прымаўкамі, нацыянальна маркіраванымі антрапонімам; апісанне нацыянальных страваў, традыцый, адлюстраванне прыродна-ландшафтнага свету беларусаў і інш.).

Ключавыя словы: Змітрок Бядуля; літаратурная казка; сусветны кантэкст; нацыянальны культурны код; суаднесенасць фальклорнага і індывідуальна-аўтарскіх элементаў.

Н. М. Butyrchik,

PhD, Ass. Professor (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

FAIRY-TALE «THE SILVER SNUFF-BOX» BY ŽMITROK BIADULA: LITERARY CONTEXT, BELARUSIAN CULTURAL CODE

Abstract. This article offers the study of folklore and literary elements in Zmitrok Biadula's fairy-tale «The Silver Snuff-box» and their interactions within plot, structure, image system, narrative and style of the story. The background of a fairy-tale as a genre of literature is traced in European and Belarusian contexts. Belarusian cultural code is examined through its manifestation in the narrative (proverbs, songs, Belarusian onomastics, national cuisine, national landscape and environment, etc.).

Key words: fairy-tale; cultural code; literary context; Zmitrok Biadula; interaction of folklore and literary elements.

Адзін са знакавых твораў беларускай слоўнасці, літаратурная казка «Сярэбраная табакерка» Змітрака Бядулі (Самуіл Ефимович Плавник, 1886 –1941) мела досыць пакручасты лёс. Поўны варыянт яе для шырокага кола чытачоў з'явіўся толькі ў зборы твораў пісьменніка ў 1989 годзе, то-бок амаль праз паўстагоддзя пасля стварэння. Напісаная ў 1940 годзе аповесць-казка стала апошнім творам таленавітага аўтара і са скарачэннямі была апублікавана спачатку ў часопісе «Полымя» ў 1953 годзе, а пасля выдадзена асобнай кнігай у 1958 годзе. У прадмове да дапоўненага выдання 1977 года Роза Гульман расказвае гісторыю пра цудам выратаваны салдатамі Савецкай Арміі пасля вызвалення Мінска рукапіс [1]. Аднак, 26 лістапада 2008 года ў газеце «Савецкая Беларусь» Віталь Скалабан і Людміла Рублеўская публікуюць матэрыял «Містыка табакеркі. Штрыхі да гісторыі беларускай літаратурнай крытыкі», які сведчыць пра тое, што існавала версія казкі, якую З. Бядуля, відавочна, планаваў выдаваць да вайны. Працуючы ў архівах В. Скалабан сярод матэрыялаў аддзелу прапаганды і агітацыі ЦК КП(б) Беларусі за 1939 – 1940 гг. знаходзіць машынапісны тэкст казкі і разгромную рэцэнзію Мікалая